

КОНФУЦИАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ТАНСКОЙ ПОЭЗИИ. КОНЦЕПТ «ЦЗЮНЬЦЗЫ» (君子) КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ЭПОХИ ТАН

Я. В. Валюк

Белорусский государственный университет, г. Минск;

gatoloro88@gmail.com;

науч. рук. – А. М. Букалая, канд. фил. наук., доцент

Цель данной работы – выявление специфики функционирования конфуцианского концепта цзюньцзы на примере поэзии Ду Фу и Бо Цзюйи, а также исследование духовного универсума танской культуры посредством данного концепта. Новизна исследования состоит в попытке дополнения и расширения существующих в синологии представлений о концептуализации традиционного китайского текста, его символизме, о способе организации художественного пространства, базирующегося на картине мира, характерной для образованных слоев танского общества. В ходе исследования мы пришли к выводу, что истинным прототипом цзюньцзы – благородным мужем – в танском произведении был отнюдь не чиновник, а сам автор – лирический герой, стоявший на страже конфуцианских норм и обеспечивающий в период смены династийных циклов преемственность и воспроизводство китайской цивилизационно-культурной традиции.

Ключевые слова: конфуцианство; концепт цзюньцзы; благородный муж; чиновник; Ду Фу; Бо Цзюйи; танская поэзия.

В истории Китая период правления династии Тан (唐朝, 618 – 907 гг.) считается эпохой наивысшего могущества страны, когда Поднебесная стала центром экономического и культурного обмена с целым рядом государств средневекового мира. На сегодняшний момент мы смело можем сказать, что китайское искусство не только возымело огромное влияние на дальнейшее формирование китайской культуры, но и повлияло на развитие поэтической традиции всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, В. М. Алексеев утверждал, что *«культ поэзии и вообще художественного слова в Китае зашел гораздо далее, чем в западном мире»* [1, с. 574]. Вбирая в себя вековые традиции, поэзия эпохи Тан преображала привычные элементы, постепенно приобретавшие новый окрас и облекавшиеся *«более близкой к жизни художественной плотью»* [1, с. 574], из которой впоследствии и «взросло» обильное количество концептов.

Говоря о проявлении концептов в танской литературе невозможно обойти конфуцианское влияние на литературный процесс данной эпохи. В то же время, выделение неких особых, «сугубо конфуцианских» групп сюжетов, очевидно, было бы вряд ли правомерной, да и, скорее всего, невыполнимой задачей, так как без преувеличения почти в каждом танском литературном произведении (за исключением творчества буддийских монахов и особенно ревностных даосских мистиков) можно в большей или меньшей степени встретить описания конфуцианских концептов, соотнесенность с конфуцианскими идеалами и т. п.

Причина этого проста: литераторы, как правило, сами были выходцами из чиновничьей среды, и даже при увлечении какими-то отличными от

конфуцианства философскими течениями (как приверженность буддизму Ван Вэя или увлеченность Ли Бо даосизмом) описываемые в их произведениях события и жизненные реалии так или иначе имели отношения к быту и нравам танской бюрократии [7, с. 143].

Тем не менее, в контексте данного исследования имеет смысл остановиться на понятии *цзюньцзы* (君子) – *благородный муж*, которое имеет непосредственное отношение к принципам конфуцианской морали, и рассмотреть его в качестве философского концепта.

Однако для начала обратимся к сути конфуцианства. Оригинальное обозначение этого учения «Школа образованных людей» (儒家) отчетливо указывает на то, что конфуцианская система никогда не базировалась на теоретических взглядах одного-единственного мыслителя. Так, М. Е. Кравцова писала: «*конфуцианство представляет собой совокупность учений и доктрин, которые возникли в результате концептуализации и этизации древних идиологем и мифологем*» [5, с. 201]. Исходя из этого, правомерным будет сказать, что конфуцианство воплотило богатый духовный опыт национальной цивилизации. Однако формирование конфуцианства как идеологической системы и образование школы связано с именем и деятельностью Конфуция (孔子, 551 – 479 гг. до н.э.).

Учение Конфуция дошло до нас во фрагментарной форме – в виде записей различных его бесед с учениками, но это не просто собрание нравоучительных историй и моральных предписаний, никак не систематизированных. **Целостность учению придаёт выдвигаемый в нём идеал моральной личности *цзюньцзы*.**

Согласно конфуцианству, управляет вселенной Небо (天), источник гармонии и порядка, а представителем Неба на земле является император (皇帝). От всех подданных требуется послушание императорской власти, выполнение законов, данных Небом, и ритуалов (礼). Идеальным человеком, соблюдающим все вышеуказанные нормы, с точки зрения конфуцианства, и будет считаться *цзюньцзы*.

Однако стоит отметить, что понятие *цзюньцзы* имеет два взаимосвязанных смысла: *принадлежность к правящему сословию и человеческое совершенство*. Сама по себе принадлежность к аристократии (касте чиновников) не гарантирует человеческого совершенства, так как для его достижения необходимо духовное самосовершенствование. В то же время, согласно Конфуцию, человеческое совершенство не закрыто и для тех, кому судьбой предназначено быть простолюдином.

Так, в трактате «Суждения и беседы» («Луньюй», 论语), Конфуций создает образ идеального члена общества – *благородного мужа* – обладающего пятью важнейшими достоинствами: *человеколюбием* (жэнь, 仁), *чувством долга* (и, 义), *ритуалом* (ли, 礼), *знанием* (чжи, 智) и *искренностью* (синь, 信). В конфуцианстве *благородному мужу* противостоит *низкий человек* (сяожэнь, 小人) – воплощение эгоистического прагматизма, человек,

неспособный выйти за рамки своей практической специализации и преодолеть духовно-нравственную ограниченность. Так, в Лунье сказано: «благородный муж движется вверх, низкий человек движется вниз» («君子上达, 小人下达»); «благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду» («君子喻于义, 小人喻于利»); «благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям» («君子求诸己, 小人求诸人») и т.д. [8]. Так, подобно тому как *цзюньцзы* совершенствует себя в упорных трудах, *сяожэнь* является результатом нерадения человека о самом себе.

Таким образом, *цзюньцзы*, выйдя за пределы лирического героя, носителя конфуцианских религиозных ценностей, обретает статус концепта. Тем не менее, данный концепт, как и было сказано ранее, не может быть отнесен к сугубо конфуцианским: *цзюньцзы* в разной степени и с разными акцентами включен как в конфуцианство, так и в другие философско-религиозные учения. Однако правомерным будет сказать, что именно идеология конфуцианства наиболее сильно повлияла на становление образа *благородного мужа*. Так, концепт *цзюньцзы*, рассматриваемый в русле конфуцианской философии, в поэтическом творчестве эпохи Тан чаще всего будет выражен через лирического героя чиновника (ши, 士).

Образ чиновника в конфуцианской традиции представляет собой идеальную картину совершенного человека. Однако на практике между *благородным мужем* (или теми, кто считал своим долгом ориентироваться на этот эталон) и реальным чиновником была большая разница.

На практике ученые мужи со временем окончательно превратились в господствующую касту, которая все больше отделялась от простого народа труднопреодолимой преградой – «стеной иероглифов» [6, с. 38-39].

Должности в провинциях нередко наследственно закреплялись за той или иной семьей и считались фамильным достоянием. На обучение детей грамоте, литературе нужны были деньги, и не каждая семья могла себе это позволить. Естественно, что выходцу из простой крестьянской семьи было сложно добиться должности чиновника и получить независимость от местных магнатов.

Складывалось представление, что император, стоявший во главе данной иерархической пирамиды, а точнее, выше нее, «сын Неба» (天子), даже не подозревал, что творится в чиновничьих кругах, празднично проводя свои дни, раздавая подарки порой не заслужившим их чиновникам. Так, в «Песне о боевых колесницах» («兵车行») в переводе А. И. Гитовича, поэт Ду Фу писал:

«边亭流血成海水,
武皇开边意未已。
君不闻汉家山东二百州,
千村万落生荆杞»

[9].

«Стон стоит на просторах Китая -
А зачем императору надо
Жить, границы страны расширяя:
Мы и так не страна, а громада.
Неужели владыка не знает,
Что в обители ханьской державы
Не спасительный рис вырастает -

Вырастают лишь сорные травы».
[3].

Таким образом, явная деградация бюрократического аппарата и правящего режима в целом в период средней и поздней Тан выявила зримый контраст с идеальным представлением о честном и неподкупном образе *цзюньцзы*.

Подобное противопоставление нашло свое отражение в произведениях великого танского поэта Ду Фу (杜甫, 712 – 770 гг.). Выходец из старинного чиновничьего рода, воспитанный по всем канонам конфуцианской идеологии, Ду Фу видел роль чиновника в государственном управлении прежде всего в воплощении в жизнь идеалов древнего и классического конфуцианства, служении на благо государства и простого народа. Безуспешность попыток поступить на службу окончательно убедила поэта в бессилии побороть косность и порочность системы чиновничества.

В произведениях Ду Фу четко выделяются два типажа чиновника. Первый – это тот идеальный образ *цзюньцзы*, который «воспевал» Конфуций. Второй – образ жестокосердного коррумпированного человека, который лишь внешне – на уровне этики и ритуала – соответствовал социальному идеалу *благородного мужа*.

Так, образ чиновника в большинстве произведений Ду Фу имеет явно негативную коннотацию и значительно разнится с представлениями о моральном облике *цзюньцзы*, выстроенном догмами классического конфуцианства.

Основная масса чиновников, несмотря на воспитание с детства в духе конфуцианской морали, любыми средствами добивались себе лучшей жизни, преступая через устоявшиеся идеологические нормы.

Нельзя сказать, что подобный контраст между классическим образом *цзюньцзы* и реальным поведением чиновника был открытием поэтов эпохи Тан, или Ду Фу в частности. Так, еще многие народные песни эпохи Хань (汉乐府, 206 до н. э. – 220 н. э.) отличались ярко выраженной социальной направленностью и критикой бюрократического аппарата.

Тем не менее, социальный контраст в произведениях Ду Фу имеет более определенные черты. Он достигается за счет противопоставления образа богатых представителей элиты и бесправного народа, где последние могут лишь наблюдать за тем, как результатом их труда пользуются высшие чины. Так, в «Стихах в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фэнсянь» («自京赴奉先县咏怀五百字») в переводе А. И. Гитовича Ду Фу писал:

«朱门酒肉臭，
路有冻死骨。」
[9].

*«Вина и мяса
Слышен запах сытый,
А на дороге –
Кости мертвецов».*
[3].

Это ёмкое художественное изложение социальной реальности четко отражает основные противоречия общества в кризисный для династии Тан период: несметные богатства правящего класса и глубокую нищету народных масс. Так, по словам Л. Е. Бежина, в данном произведении ясно прочитывается *«выстраданный пафос конфуцианца, испытывающего мучительное разочарование из-за несовпадения своих идеалов с действительностью»* [2, с. 38].

Острые критические выпады против злоупотреблений чиновников связаны в творчестве Ду Фу и с сентенциями по поводу тягот воинской доли или нищеты крестьян. Так, образ чиновника неотрывен от образа простого солдата, крестьянина, вынужденного участвовать в военных действиях:

«公家有程期，
亡命櫻禍羅。
君已富土境，
开边一何多。」
[9].

*«Чиновники
Так наблюдают за нами,
Что, если сбежишь,
То прибьют на дороге.
Как будто богат
Государь наш землю -
Зачем же стремиться
За новую данью? »*
[3].

«В поход за Великую стену» («前出塞»),
перевод Гитовича А. И.

Показательно, что в данном стихотворении, для описания чиновника, автор использует слово «公家», а не «士». Первое слово обычно употребляется в более широком смысле, его можно перевести как государство, правительство (приближено к современному слову «官家»), иероглиф же «士» – распространенная лексема для обозначения чиновника любого ранга – здесь не используется.

Далее мы встречаем лексему «君», которая в древнекитайском языке имеет два взаимосвязанных значения: «君» как «君王» – правитель, владыка (а также люди, его представляющие) и «君» как «君子» – *благородный муж*. Так, вразрез с русским переводом А. И. Гитовича, мы можем предположить, что в данном стихотворении Ду Фу мог обращаться как непосредственно к государю, так и к *«благородным мужам»* – чиновникам, его замещающим. Следовательно, данная строчка «君已富土境，开边一何多», может переводиться как *«Государь [и чиновники] уже богаты землей, к чему [завоевывать] боле?»*, и отсылать нас к одной из основополагающих категорий конфуцианства – *умеренности*.

Мы видим, что так называемые «благородные мужья», в погоне за наживой и славой, забыли о добродетели, они не умеренны в своих чаяниях и жаждут получить что-либо за счет других людей. Для Ду Фу как конфуцианца в конечном итоге мерой моральных принципов нравственной ценности человека оказывается его отношение к родной стране. Так, образ *цзюньцзы* трансформируется в совершенно ему противоположный – *сяожэнь* – малодушный, неблагородный человек.

Данную метаморфозу мы также можем наблюдать и в творчестве других литераторов. В качестве примера рассмотрим стихотворения танского классика Бо Цзюйи (白居易, 772 – 846 гг.) – последователя идей Ду Фу:

«九月降霜秋早寒，
禾穗未熟皆青乾。
长吏明知不申破，
急敛暴徵求课。»

[9].

*«В девятый месяц пал белый иней,
Поторопился осенний холод.
Колосья зерном не успели налиться
– все они, не созрев, засохли.
Старший сборщик все это знает,
но не просит снизить поборы.
За податью рыщет, налоги тянет,
чтоб видели его старанье».*

[3].

«Дулинский старик» («杜陵叟»),
перевод Эйдлина Л.З.

Поэт часто обращается к контрастному изображению проявлений богатства и нищеты в рамках одного поэтического текста: «Песни и пляски» («歌舞»), «В тонких одеждах на сытых конях» («轻肥»), «Покупаем цветы» («买花»). В своих произведениях Бо Цзюйи правдиво изображает нелегкий труд крестьян, их горестное существование: «Я смотрю, как убирают пшеницу» («观刈麦»), «В жестокую стужу в деревне» («村居苦寒»), осуждает беззаконие дворцовых чинов «Старый угольщик» («卖炭翁»). Определяя тему стиха «Дракон черной пучины» («新乐府»), поэт в подзаголовке прямо писал: «Против чиновников-лихоимцев».

Таким образом, положительными образами в творчестве Ду Фу, Бо Цзюйи и других танских поэтов выступают отнюдь не чиновники – истинным *цзюньцзы* фактически является сам автор – лирический герой. Так, в «Стихах в пятьсот слов о том, что было у меня на душе...» Ду Фу говорит:

«穷年忧黎元，
叹息肠内热，
取笑同学翁，
浩歌弥激烈。»

[9].

*«И сердца жар,
Бредя тропой земною,
Я отдавал народу
Всей душой.
Пусть господа
Смеются надо мною,
Но в громких песнях
Слышен голос мой».*

[3].

Автор будто сам включен в эту социальную парадигму. Невзирая на возможность быть не понятым правящей элитой, Ду Фу, хранитель традиционных конфуцианских ценностей, видел собственное призвание в том, чтобы верой и правдой служить государям, подобным Яо и Шуню.

В дополнение приведем пример из стихотворения «Стихи о том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины» («茅屋为秋风所破歌»):

«安得广厦千万间,
大庇天下寒士俱欢颜,
风雨不动安如山。»

[9].

«О, если бы
Такой **построить** дом,
Под крышею
Громадною одной,
Чтоб миллионы комнат
Были в нем
Для **бедняков**,
Обиженных судьбой» [3].

Ду Фу вынашивал мечту о большом доме на десять тысяч комнат, в котором бы нашли приют все бедняки Поднебесной – «и не будут тогда им страшны ни ветер, ни дождь». Здесь мы видим не просто сострадание, не стыд благополучного перед нуждающимися, а прямое желание пожертвовать собой во благо бедняков. В этом проявляется не только эволюция чувств Ду Фу, но и путь развития танской поэзии в ее отношении к человеку.

Развивая тему, автор – лирический герой – выразил готовность пожертвовать собственным благом и даже жизнью, лишь бы не осталось на земле страдающих от холода и голода:

«呜呼何时眼前突兀见此
屋,
吾庐独破受冻死亦足。»

[9].

«И если бы,
По жизни проходя,
Его я наяву
Увидеть мог, –
Тогда –
Пусть мой развалится очаг,
Пусть я замерзну -
Лишь бы было так».
[3].

Так, стихи Ду Фу, отличаясь глубокой социальной направленностью и психологической достоверностью, воссоздавали образ самого поэта – истинного *цзюньцзы* – мудрого, жизнелюбивого, чуткого к чужим горестям. Подобное, мы можем видеть и в лирике Бо Цзюйи. Рассмотрим стихотворение «Халат» («新制布裘») в переводе Ю. М. Ключникова:

«安得万里裘,
盖裹周四垠。
稳暖皆如我,
天下无寒人。»

«Как бы мне раздобыть
Ткани тысячи ли
И одежды пошить
Гору до облаков,
Чтобы в тёплый халат

[4].

*Облачиться могли
Десять тысяч раздетых
Простых бедняков».*
[4].

Продолжая идею Ду Фу о «доме с десятью тысячами комнат», Бо Цзюйи пишет о «десяти тысячах ли ткани», которые лирический герой – сам автор – хочет раздобыть, чтобы также обогреть всех обездоленных Поднебесной.

Таким образом, основная часть китайской бюрократии лишь внешне – на уровне этики и ритуала – соответствовала социальному идеалу *благородного мужа*, разработанного в конфуцианстве. Тем не менее, помимо бездарных и коррумпированных чиновников, были и честные, стоявшие на страже конфуцианских норм и обеспечивающие в период смены династийных циклов преемственность и воспроизводство китайской цивилизационно-культурной традиции. Так, **истинным прототипом цзюньцзы – благородным мужем – выступает отнюдь не чиновник, а сам автор – лирический герой.**

Библиографические ссылки

1. Алексеев, В. М. Труды по китайской литературе в 2-х томах / В. М. Алексеев. – М. : Восточная литература, 2002. – Т.1. – 574 с.
2. Бежин, Л. Е. Ду Фу / Л. Е. Бежин // Серия биографий «Жизнь замечательных людей»; вып. 674. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 38 с.
3. Библиотека мировой литературы. Восточная серия. Поэзия Ду Фу в переводах А. И. Гитовича, 2001, OCR Бычков М. Н. [Электронный ресурс]. – http://www.lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt. – Дата доступа: 21.09.2022.
4. Китайская поэзия // Бо Цзюйи. [Электронный ресурс]. – https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=7. – Дата доступа: 28.10.2022.
5. Кравцова, М. Е. История культуры Китая. 3-е изд., испр. и доп. / М. Е. Кравцова. – СПб. : Издательство «Лань», 2003. – 201–204 с.
6. Малявин, В. В. Гибель Древней империи / В. В. Малявин. – М., 1993. – С. 38–39.
7. Сторожук, А. Г. Три учения и культура Китая: Конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А. Г. Сторожук. – СПб. : Восточный факультет СПбГУ, 2010. – 142–143, 157, 181–182, 312, 406, 428 с.
8. Электронная библиотека // Луной. [Электронный ресурс]. – https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read. – Дата доступа: 22.09.2022.
9. 古诗库 / 杜甫诗全集(Библиотека древней поэзии. Полное собрание стихов Ду Фу). [Электронный ресурс]. – <http://www.shigeku.com/xlib/lingshidao/gushi/dufu.htm>. – Дата доступа: 17.10.2022.